

И снова у порога решать, куда шагнуть.
А нас позвал в дорогу далёкий Млечный Путь.
Песня из фильма
"Большое космическое путешествие"

В ГЕНИАЛЬНОМ ФИЛЬМЕ Эльдара Рязанова "Гараж" есть примечательный диалог, напорному касающийся темы нашего сегодняшнего разговора. Дочь профессора, заметно стесняясь, говорит своему новому знакомцу по фамилии Милосердов: "Закончила филфак. Занимаюсь сатирой". Тот вальяжно интересуется: "Русской или иностранной?". "Нашей". — "То XIX века?" — "Нет, современной".

И тут Милосердов выдает с прелевыми сарказмом: "У вас замечательная профессия: вызанимаетесь тем, чего нет".

Имелось в виду, что современная сатира — это нечто мелкотравчатое и не вполне заслуживающее каких бы то ни было исследований. Конечно, держа антисоветскую фишку в кармашке, это можно повернуть несколько иначе: в СССР эпохи Рязанова сатира "нормальная" оказывалась попросту запрещена, а вернее — аккуратно придушена. В перестройку любили жаловаться по этому поводу, не давали, мол, шутить "по-крупному". Однако реальный, изначально выражаемый смысл — бессилие и вторичность позднесоветской "сатиры-юмористики" и, как пошутил один чиновник тех лет, работавший (к слову) с моей матерью в министерстве. "Сатиров — много, сатиры — нет". Ага. В 1970-х образованные люди умели ввернуть словечко. Всё познаётся в сравнении, и мы в состоянии убедиться — передача "Вокруг смеха", выложенная в благах и на видеохостингах, была не столь уж дурацкой, а сатира-юмор проходили жесточайшую цензуру: дрянью советского зрителя не кормили. Во всяком разе, до конца 1980-х. Следом пошли всеческие "Маски-шоу", "Наши Раши", "Аншлаг". И "Камеди Клаб" — к нему-то мы ещё вернёмся. Да, а к чему сия прелюдия?

Кинокартина с лаконичным названием "Юморист" (режиссёр Михаил Идов) повествует примерно о тех же временах, когда гаражный кооператив "Фауна" боролся за место под солнцем, а точнее — его участники друг с другом. Безусловно "Юморист" — это чуть позже: поправит меня педант. Будет прав, но в данном случае это не настолько важно. Итак, знаковый 1984 год, воспетый Джорджем Оруэллом, а затем — Алексеем Балабановым в "Грузе-200", а потому всегда звучащий, как рекемив по мечте. Предперестроечный закат. Финал Империи. Пышные похороны кремлёвских старцев. Именно в тот год — о, совпадение! — происходит и действие культового детского сериала "Гостя из будущего". Эти цифры — 1984 — светятся и пылают — слишком настойчиво, чтобы мы их пропустили. Развила цивилизации. Возможность летать. Выбор. Алиса нам предсказала: будем гордыми и крылатыми. К чему это сейчас, когда речь о "Юмористе"? Он весь соткан из темы космоса. Из плача по космосу. Из маниакального комплекса неполноценности главного. И не только его. "Таких не берут в космонавты!" — как пела одна занятная рок-группа 90-х.

Начало. Титры. Утро. Музыкальный мотив из кинофантастики "Большое космическое путешествие". Из фильма "обмани", где подростков только готовят в космос и запускают их в тренировочный "полёт", а на деле всё это — симулятор, судя по всему, подтолкнувший Виктора Пелевина создать циничную фантасмагорию "Омон Ра" о том, что никто и нигде не летает, а советский человек всю жизнь копошится в иррадио-

нально-убогом мирке, зато полагает, что "наши — первые", что бороздят просторы и шлют весточки Земле. Якобы. Или как там у Довлатова, цитировавшего бред диссидента-шизофреника: "Гагарин в космос не летал! И Титов не летал!.. А все советские ракеты — это огромные консервные банки, наполненные глиной".

В "Юмористе" — с иного ракурса. Герои — летают, пусть и под присмотром КГБ. А рождённый ползать, то бишь — хохмить и устраивать "чёр" по стране с легкомысленной репризой про макаку — летать не может. Но главное, что он сам это наконец-то понял. Центральный эпизод картины — разговор комика Бориса Аркадьева с космонавтом (прочувствованная игра Алексея Аграновича). Игра слов и понятий — комическая и космическая. Всего одна буква отделяет низкое

ТАКИХ НЕ БЕРУТ В КОСМОНАВТЫ!

О фильме Михаила Идова
«Юморист»

от высокого. Момент истины — завистливо-печальная фраза юмориста насчёт "разговора с Богом". Я, по сути, и говорю с ним. С тем, который на орбите. А этот — здесь, нервно курит.

Выдернутый ночью и увезённый в таинственном направлении, Аркадьев не знает, что его ждёт. А ему предстоит вот эта беседа в центре управления полётом. Чекист объясняет, что в крайних случаях космонавтам дозволено требовать концерты (пилот-напарник испросил аж целый оркестр). Что за "час икс" такой? Смертельная опасность. Последняя радость. Небожитель и "халдей" — они болтают по душам: Аркадьев исповедуется космонавту. После этого стыдно быть падалым. Вообще всё — стыдно! Особенно — в сто первый раз шутить про "макаку" и "бархатный сезон".

Есть и ещё одна немаловажная деталь — когда-то Аркадьев был серьёзным автором. Нам даже показывают его единственную книгу с характерным названием "Проклятие". Суть: он сам себя и проклял. Предал. Надел колпачок дурака, извалялся в перьях и подсыпал конфетти. Его любят за дурашливые — на грани приличия — смешинки. Аллодируют. Зовут в передачу "Вокруг смеха". Приглашают пожать в "элитных" домах; ему на шею кидаются ветреные девицы — резвая да красивая Полина Ауг великопелно сыграла типовую "мочалку" 1980-х (да простят меня читатели за тогдешний тусовочный слэнг). Впрочем, и Ауг-старшая мельнула в эпизоде, недурственно изобразив тётку-обыкновенницу. Нужно отметить, что игра тут сильная и у эпизодических фигурантов — тоже.

Но не тут-то было! Авторы сюжета по-своему — так сказать, по-либеральному — явили нам распрямление "маленького человека". Аркадьев в грубой форме отказывается хохмить в генеральской бане, выставляя всех присутствующих убождками и доводя хозяина до инфаркта. А всё почему? Он не умеет иначе. Разучился. В тот момент, когда предал (или проклял?) сам себя. Но источник вдохновения — на свободном Западе! Приятель Аркадьева — успешный киноактёр Шилепин (Юрий Колокольников) на одной из попок захватывающе рассказывает, что в Америке есть совершенно чудовая программа "Comedy Club". Актёры-

шутнички выходят на сцену и принимаются издеваться над публикой в духе "эй ты, жирный!". Аркадьев запомнил, и разоблажённый вумсмерь на самого себя, плюнул в лицо начальству такой вот камедиклабовской шуткой. Всем оёстрам — по сергам.

Как это обычно бывает и без чего не склеивается ни одна подобная кинолента, нам явлен скудный и до пределов бескультурный "советский мир", где истоиво поклоняются Западу, а высокопоставленные чиновники думают, что фоном для торжественного ужина должен служить порнографический фильм. Всё тот же Шилепин, часто бывавший за границей, сообщает, похотывая, что "эти", то есть советские люди, считают-де порно — буржуазным шиком: в лучших домах так принято. Спешу разочаровать нашу пытливую

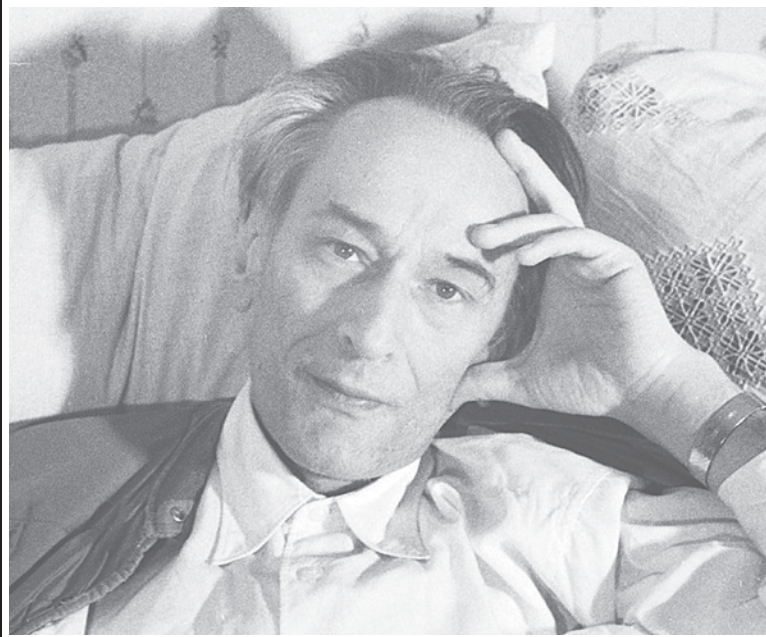
молодёжь — это неумный гротеск или намеренная ложь. Никому бы не пришло в голову поставить гостям "Эммануэль" на званом ужине. Эти киношки смотрели втихаря, элементарно боясь облывы, подставы, доноса. И таких "типербол" в кинокартине хватает — Идов смешивает правду с ложью в какой-то "восторгающей" пропорции.

Повторяя стилистику фильма "Лето" (а там Идов — соавтор сценария), перед нами опять разворачивают картинку самого неприглядного быта: всё какое-то пыльное, ветхое, наспех собранное... Понимаю, что режиссеры старались натащить в кадр аутентичное "баракло", но в те годы оно было новое, и комоды-серванты-книжные полочки ныне смотрятся, как с помойки. Или это — намеренно? Как свидетель той жизни, ответственно заявляю, что у востребованного комика уж точно должен быть гарнитур фасона "стенка" и мягкая мебель, а у его четырнадцатилетнего сына — японский магнитофон. Это, как нынче говорят,

"маст хэв". Мы же наблюдаем царство продавленных диванов и какой-то одурачившей бедности. Не лучше в кадре обстоит дело и у прочих: живут грязновато, тухловато, гадковато. Будто бы мечутся в неустойно-нормсером пространстве, напоминающем ад, вернее — адок. Я же помню 1984 год! Он таким не был — ни антуражно, ни духовно. А тут герои — претерпевают жизнь. "Космос и вода" — шутят они насочёт русской национальной идеи, нечаянно сформулированной Аркадьевым: не для эстрады, а так, проходя. Пьют в картине действительно очень много — с удовольствием и без него. Главгерой перманентно подшофе и требует добавки. Понимающего супруга (тонкая работа Алисы Хазановой) лишь разводит красивыми руками или тихонечко — совсем тихонечко — страдает. Ничто человеческое им не чуждо. Не обошлось и без акта чувственной любви — прямо, как в перестроечные времена, когда в любую, особенно разоблачающую кинокартину, непременно включали постельное действо с участием "сменой" актрисы. В "Юмористе" то была уже упомянутая Полина Ауг.

Всё венчает монолог старшего офицера насчёт шуточек: а может, лучше взять и разрешить? Пусть выпускают пар. Выпустили. Сначала пар, потом — всё остальное. Критики фыркнули, что Идов не сварганил качественный финал. Вот его-то он и сделал, как раз. Предъявил. Вмазал. Победил тот самый Comedy Club, о котором балакал пьянечный дружок. Чем сердце успокоилось? В финале картины — седовласый Аркадьев выходит на залитую огнями эстраду-2018. Life удалась! Космонавты — лишь опасная профессия, тогда как идолы — эстрадные исполнители. И зал взрывается аплодисментами! И буквыки неоновые в названии передачи — "Взлёт". Другой взлёт. Иная эра. "Не летают — и никогда уж не полетят. Ням-ням. Одно огромное ням-ням", — как говорил персонаж романа "Возвращение со звёзд" Станислава Лема. Таких не берут в космонавты? А им и не надо!

Галина ИВАНКИНА

Он прикасался к душам зодчих,
Осуществлявших Кремль земной, —
Ко всем, искавшим правды Отчей
И мудрости земли родной.

Поэт прозревает, что всё в земном мире: горы, страны, города, люди, дома, памятники, — имеет свои антиподы в мирах горнем и дольном. Наш мир — лишь тонкая мембрана между тьмой и светом, сквозь которую в разные периоды истории в жизнь врывается то один, то другой мир. Отсюда интерес Андреева к смутным временам, к эпохам перемен, когда "метки отливаются в формы великой и страшной страны".

Андрееву открылось, что Кремль, возведённый в самом сердце России — это не Кремль земной, а Кремль Небесный. Горним антиподом он сошёл на Землю, осветил русское время и русское пространство, и все, кого он "обнял на восходе жизни — не усомнятся в Боге и в Отчизне". Оттого Россия для всего мира непостижима. Оттого напускают на неё полчища тьмы из мира дольного.

Небесный Кремль рождает "синхронность бытия", когда "золотую симфонию поют согласованно разнозначные струи времён", когда все времена России устремляются в будущее. У прошлого есть будущее, и это не настоящее, а параллельное бытие времени. Так Медный всадник в "Ленинградском апокалипсисе", простирая длань, прорывает кольцо вражеской блокады. Так Андрееву удалось посмотреть на свою жизнь с трёх вершин Серебряного века: во многих стихах он создал поэтический мир, каким увидели бы его Блок, Гумилёв и Хлебников, проживи они ещё три десятка лет. В стихах Андреева мы встречаем Прекрасную Даму того, чей взгляд мерцал "через дымяные ткани времён". Слышим гул зашумившего трамвая того, кто ощущал "подвига тяжкую власть". Зрим, как "си-

ЗОЛОТОЙ ЛЕПЕСТОК РОЗЫ МИРА

Памяти Даниила АНДРЕЕВА

КАЖДЫЙ РУССКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ — садовник. Он взращивает свои чаяния, как райские деревья, собирает душистые плоды пророческих снов, чтобы напиться ими всех, кто истосковался по спасительным образам и смыслам. Русский мечтатель леплет в своём саду неуязвимые цветы: здесь и лилия Благовещения, и Аленский цветочек, и цветок Даниила-мастера, пустивший корни, когда в безднуны камень вошла жизнь. Но есть в этом цветнике оособе чудо. Узрит его лишь тот, кто прошёл путём лишений и страданий, искушений и преодолений, заблуждений и озарений. Лишь тот, кто выполол на своей тропе цветы зла, увидит розу, в бутоне которой расцвёл весь мир.

Даниил Андреев, "мечты высокой волевой пленник", всю жизнь леплел Розу Мира. Ещё отроком он пронёс её через Серебряный век, певцом русской природы прошёл с ней по густым лесам, берегам певучих рек, благоухающим лугам. Затем, не опалив, вынес её из адского огня войны, сберёг во Владимирской тюрьме, где, замерзая, отдавал цветку своё последнее тепло. Когда измученный, лишённый сил и здоровья, Андреев вышел из застенков, казалось, вместо надорванного сердца он вложил себе в грудь Розу Мира, и она пульсировала, продлевая дни мечтателя, чтобы он успел записать свои откровения.

Роза Мира — это образ всеобщего благоденствия. Оно наступит, когда уже не будет главенства одних и притеснения других, когда будут преодолены "ваглы между народами", когда Дух преобразит материю, когда Свет вытеснит тьму.

Подлинный художник слова, Андреев шёл разными путями к изъяснению Розы Мира: через эпос, лирику и драму, через философский трактат, через пьесу "Железная мистерия", через книгу стихотворений "Русские боги". И если в трактате и пьесе Андреев — вселенский мечтатель, выразитель наднациональных мечт, то в стихах он мечтатель русский.

Позия Андреева соткана из русской природы, русской истории, православия, русских горестей и радостей. Позия Андреева — русская мечта, золотым лепестком сияющая в бутоне Розы Мира. Этот лепесток скрепляет бутон, не даёт ему рассыпаться, без этого лепестка всё блекнет, всё теряет смысл. Описать золотой лепесток может только поэзия, которая "всё явное делает тайным", ибо мечта без тайны невозможна, чем больше тайны в мечте, тем она ближе, тем явственнее:

Усни, — я мечтаю над нашею тайной —
Прекрасною тайной цветов и детей.

Андреев созидал "Русских богов" как поэтический ансамбль, как мозаику, как симфонию: есть изначальный, промыслительный замысел, где всё подчинено золотому сечению русской мечты. И если "Русские боги", согласно замыслу, должны состоять из двадцати книг, то число и последовательность их непременно сохраняются. Недописанные или невосстановленные после заключения книги автор не вырвал из замысла, он оставил пробелы, обозначив лишь названия и дав краткие комментарии. Эти пробелы подобны пропускам Менделеева в его таблице химических элементов, когда учёный, осознавая гармонию природы, предвидел открытие новых элементов и заполнение пустот. Так и в поэзии: смыслы, ещё не выраженные в слове, не растворяются, не исчезают, ждут своего воплощения.

Одна из ненаписанных книг в "Русских богах" — "Плавание к Небесному Кремлю". "Поэма должна была начинаться реальным плаванием по русским рекам — мимо пристаней, лугов, лесов, тихих деревень и городов с древними умоплетными церквями. Потом течение поэмы должно было неуловимо сместиться, полупраздненные церкви оживали, начинался колокольный звон несуществующих на Земле колоколов, переходящий в благовест храмов Небесного Кремля", — раскрывает замысел автор.

Образ Небесного Кремля, который был задуман как замковый камень поэтического собора Андреева, постоянно возникает в "Русских богах", озаряет их неотмирным светом:

Небесный Кремль — мечта народа,
Итог и цель, сквозит вверху:
Лучом сквозь толщу вековода
Он прикасается к стиху.

неют ночные дорожи" того, что "открыл возврат времён" и "вычислил рычаг племён".

У настоящего есть будущее, и это не грядущее, а тоже параллельное бытие времени, в котором поэт преодолевает тюремные стены и уплывает в "моря своей души".

В недрах русской тюрьмы
я тружусь над таинственным метром
До рассветной каймы
в тусклоом окошке моём.

Дни скорбей и труда —
эти грузные, косные воды
Рухнут вниз, как обвал,—
уже вольные дали видны,—
Никогда, никогда
не впадал я столь дивной свободы,
Никогда не вдыхал
всю грубость такой глубины!

У будущего есть будущее: в нём Андреев, подобно русским космистам, своей философской мыслью прокладывает Гагарину "крестный путь к задаче мировой". Недоживший всего нескольких лет до полёта человека в космос, поэт предчувствовал этот не только технический, но и духовный рывок:

Как радостно вот эту весть вдохнуть:
Что по мерцающему своду
Неповторимый уготован путь
Звезде, цветку, душе, народу.

Синхронности бытия подчинено и слово Даниила Андреева. Русская мечта, выраженная таким словом, неуничтожима: рукописи конфискуют и сожгут, но мечта не умрёт. Новые поколения вновь придут к ней, но потеряют драгоценное историческое время, окажутся отброшенными от мечты на десятки, а может, и сотни лет. Потому Андреев стремился сохранить в памяти все уничтоженные строки, вынес из тюрьмы на клочках бумаги всё, что мог, чтобы потом каждый день отовёвывать у смерти время для завершения замыслов.

Горькая чаша жизни была выпита Андреевым до дна, но сладкая чаша творчества осталась недопитой. Невполненные образы поэта сияют над потоками неразгаданными созвездиями. И может быть, найдётся продолжатель, который посмотрит на двадцать первый век глазами певца Розы Мира, изречёт недосказанное, докажет, что дух недолим, что чем прочнее земные пути, тем зримее небесная дорога:

Будто льётся в просветы окон
Вечный, властный, крылатый зов...
Будно мчишься, летишь конь-о-конь
Вдаль, с посланцем иных миров.

Смерть Даниила Андреева тоже стала будущим будущего. В детстве ради встречи с умершей матерью он хотел броситься в омут, преодолеть мембрану реального мира. Но тогда оказался бы в мире дольном, окупился бы во мрак. Он выжили, чтобы развеять мрак на земном пути, чтобы уйти в мир горний, причастившись. Это случилось в день Преподобного Алексия, человека Божьего — святого, что терпением уподобился многострадальному Иову и уничижённому Лазарю.

В Небесном Кремле поэта встретила мать с золотой розой в руке. У розы не хватало одного лепестка. Мать однажды бросила его на земную тропу сына как свидетельство Царствия Божия. Сын сохранил лепесток, принёс его с собой слегка очервлённым, восстановил дивный бутон.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

РИЧАРД ДИКОЕ СЕРДЦЕ

Несмешная комедия

"ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ — это пустое место. Он просто сидит и ждёт, когда президент умрёт" — эти слова в фильме "Vice", вышедшем в российский прокат под именем "Власть", произносит супруга будущего вице-президента Чейни. Она права — большинство американских вице-президентов, за исключением Джорджа Буша-старшего и Линдона Джонсона, ставших президентами, канули в Лету. Но не Дик Чейни, один из самых могущественных вице-президентов в истории, который сосредоточил в своих руках необъятную власть. Именно его 44-й президент США Барак Обама в шутку называл "худшим президентом в моё время", и в этом была большая доля истины. При Джордже Буше-младшем Чейни стал почти настоящим президентом.

Авторы фильма позиционируют свою картину как комедию, и он действительно начинается как комедия в духе Среднего Запада. Чейни в молодые годы — это пьяный недотёпа за рулём автомобиля, он же — электромонтёр-высотник, почти как герой советского фильма 70-х: лезет по проводам и дерётся с друзьями.

Всё это — реальная жизнь Дика Чейни, которого блестяще воплощает актёр Кристиан Бейл. Она могла бы пройти незаметно и кончиться где-нибудь в "кабацкой пьяной драке", если бы не жена, которая ставит его на путь истинный: "Хочешь жить в трейлере — так будешь жить". И даёт звонкую оплеуху тому, кто впоследствии станет одним из самых могущественных людей в мире.

Широкими мазками режиссёр Адам Маккей показывает биографию Чейни. Вот он поступает в престижный Йель, откуда позже выйдет, недоучившись; вот знакомится с могущественным Дональдом Рамсфельдом, тогда членом команды Ричарда Никсона, и попадает к нему в Белый дом. Будущий глава Пентагона Рамсфельд ценит его за расторопность. А Чейни сидит в каком-то закутке, но, гордый собой, звонит домой и интересуется делами дома. Супруга еле управляет с двумя детьми, но рассказывает, что готовит любимые супругом "макароны с сыром". Здесь вдруг вспоминается фраза из другого кино: "В тюрьме сейчас ужин — макароны с сыром".

Тюрьма будет: тюрьмой станет Америка, которую Чейни, воспользовавшись событиями 11 сентября 2001 года, превратит в тюрьму, и американцы ощутят на себе ограничение свобод — знаменитый "Патриотический акт", с его прослушкой телефонов и перлюстрации писем.

Комедия о добром очкастом уwalьне превращается в трагедию: Чейни ведёт заседания кабинета министров и, пользуясь тем, что атака на башни-близнецы и Пентагон застала Буша далеко от столицы, в штате Флорида, отдаёт приказы. "Это согласовано с президентом?" — пытается спросить кто-то. "Да", — говорит Чейни голосом, не терпящим возражений.

Он действует стремительно — авторы довольно точно передают детали его биографии. И вот — момент истины, а точнее большой лжи, с которой началась война в Ираке. Люди Чейни фактически подтасовывают данные о наличии у Саддама Хусейна оружия массового поражения.

На трибуне ООН госсекретарь США Колин Пауэлл потрясает пробиркой, которая должна была символизировать опасные вещества. Это момент политической смерти brave генерала, героя первой войны в Заливе: Чейни мстит старому недругу. Тогда, в 1991 году, опытный глава Объединённого комитета начальников штабов Пауэлл боролся с главой Пентагона Чейни, который хотел не только выдвинуть войска Хусейна из Кувейта, но и дойти до Багдада.

Чейни побеждает спустя годы — война начинается, а компания "Halliburton", которую Чейни возглавлял до своего прихода в Белый дом, зарабатывает миллиарды на войне с Ираком. Для достижения собственных целей Чейни не брезгует ничем. После того, как с публичными обвинениями в подтасовках причин для войны с Ираком выступает американский дипломат, Чейни делает так, чтобы в прессу было "слито" имя супруги посла, агента ЦРУ под прикрытием. Тягчайшее преступление в любой стране, оно сходит Чейни с рук. В тюрьму — правда, ненадолго — попадает правая рука вице-президента Льюиса Либби.

Именно после этой войны, главным виновником развязывания которой считали Чейни, американские правозащитники потребовали суда над вице-президентом США. В вину Чейни ставили одобрение пыток подозреваемых в терроризме, создание секретных тюрем ЦРУ в разных странах мира. Хотя в последние несколько лет отношение к патрону Чейни, экс-президенту Джорджу Бушу-младшему улучшилось, Чейни остаётся "тёмной", демонической" фигурой. Многие даже сравнивают его с персонажем "Звёздных войн" Дартмом Вейдером.

Кстати, авторы практически говорят о том же самом и даже "троллят" зрителя, предлагая ему альтернативный конец.

В середине фильма нам показывают Чейни в окружении семьи, который хвастается байками и ловко подсекает рыбу. Всё это могло бы случиться, не прими Чейни предложения Буша пойти с ним на выборы. Чейни пошёл, впервые не послушав супругу, — даже несмотря на то, что здоровье у него было серьёзно подорвано: он пережил пять сердечных приступов, а в 2012 году — операцию на сердце. Но на пути к власти Чейни ничего не останавливает — "Аннушка уже разлила масло", и "макароны с сыром" были приготовлены.

Александр БРАТЕРСКИЙ

АПОСТРОФ

Борис ЗЕМЦОВ. "Мой балканский рубеж. Исповедь русского добровольца". М.: "Книжный мир", 2019. — 320 с.

Холодно в этом мире.
Это — гони не гони,
Словно мишени в тире,
Мы коротаем дни.

Отроду близоруки,
Чувствуем некий рок:
Как чьё-то умелые руки
Нацупывают курок...

В 1983-М, когда были написаны эти строки, только "нащупывали". "Спустили" — ровно 20 лет назад в Югославию. 24 марта 1999 года начались варварские бомбёжки. 19 стран-стервятников повязывались кровью главной страной-террористом планеты — Соединёнными Штатами Америки. Экзекуция длилась 78 дней. На протяжении всего этого периода у американского посольства в Москве проходили многочисленные стихийные митинги. "Будущий комментатор пасхальных телетрансляций, сын-подросток с друзьями, Жириновский с корзиной яиц... — Они же свежие, Вольфыч! — Ничего, на солнце завоюют! Швыряем!.."

В самом начале адского действия корреспондент либеральной "Независимой газеты", русский националист в самом лучшем значении этих слов, Борис Земцов, оказался в Косово, чтобы взыгнать на ситуацию "через призму русской имперской геополитики", и сердцем почувствовать "параллель между всем происходящим на сербской земле и возможными грядущими событиями в многострадальном Отечестве".

По приезде ему подарили изданную в Приштине книгу с говорящим названием "Злодеяния албанских террористов". Земцов мечтал, чтобы её издали в России, но понимал, что это невозможно, так как во власти на родине были друзья палачей Сербии, их ставленники и марионетки. Похабно вели себя и "братья-славяне" — Болгария, Македония...

За шесть лет до того он воевал в этих краях. Это факт спас его от абсурдных обвинений в шпионаже, но не помешал заметить произошедшую за эти годы перемену в отношении сербов к русским.

Ельцинско-козыревская политика была явно предательской. Подобострастное отношение к Западу зашкаливало. И это было омерзительно. Попавших в передел корреспондентов, годных и почти без денег, с авиабилетами до Москвы, даже не пустили в "родное" посольство в Белграде, когда аэропорт уже был разрушен бомбардировками.

Сербов в Косово и Метохии, их коренных землях, оставалось около десяти процентов. Методика вытеснения коренного народа спешно отработывалась. И нам стоит пристально оглянуться вокруг...

Запредельно мрачная перспектива для сербов была очевидна: "кто не будет банально уничтожен, кто не будет изгнан, кого не продадут в публичные дома Европы и Азии, тот послужит... расходом биологическим материалом, их просто продадут "на органы".

Земцов приехал в государство прифронтовое, но через несколько дней оказался в государстве воюющем. Это происходит быстро.

Ещё вчера безработные, люди стояли в очередях, покупая питьевую воду, батарейки, консервы.

Поразило то, что на улицах Белграда в дни бомбардировок звучал... рок. "Странно," — торжестоно констатирует автор, — что славянская страна, воюющая ныне с Мировым порядком, в качестве знамени выбирает музыку, рождённую в недрах этого самого порядка и являющуюся, по сути, оружием этого порядка".

И делает справедливый вывод, актуальный по сей день и для нас: "Скажите, какие песни вы поёте, и я скажу, что вас ждёт".

Как бы и нам не "допелеться"! Тогда, 20 лет назад, были убиты 1008 сербских военных и полицейских, 2,5 тысяч гражданских лиц, включая 89 детей. Уничтожено 300 школ, больниц и зданий государственной, 176 памятники культуры. Бомбёжкам подверглись 23 средневековых монастыря.

Было сброшено 420 тысяч снарядов общей массой 22 тысячи тонн, около 20 тысяч крупных снарядов. Выпущено 1300 крылатых ракет.

"Цивилизованная" банда использовала 37 тысяч касетных бомб, до 15 тонн снарядов с обогащённым ураном (45 итальянских карабинеров заболели раком, что было признано официально). Сегодня, спустя 20 лет, заболеваемость детей Сербии раком в 2,5 раза превышает среднеевропейские показатели.

Специально прицельно наносились удары по нефтяным, химическим объектам, по нефтехранилищам. Все эти объекты были указаны на картах биологической опасности, что означало сознательное провоцирование экологической катастрофы, причём не на территории Косово.

Албанцев, которых НАТО решило якобы защитить от мифических этнических чисток, было убито больше, чем за всю историю сербско-албанских конфликтов.

"Право на международном уровне 20 лет как умерло. Его убила сила и заменила сила", — говорит сербский общественный деятель Горан Петровинович.

НАТО действовало в спайке с открыто террористической организацией "Армия освобождения Косово", тем самым в очередной раз обнажив свою нечеловеческую природу.

И сегодня НАТО считает, что применённые силы в Югославии в 1999 году были "необходимыми и легитимными", а бомбардировки достигли своей цели.

Горбатого могила исправит. Стихотворение "Мишени" заканчивалось так:

Нет уж! И я прищурюсь —
Шут в жёлто-чёрном реу.
Веки-жестянки, натужась,
Со скрежетом разорву.

И разгляжу, наверное,
Словно побуду на таран!
Сквозь бым и сквозз запах серный —
Харю Врага!

Что ж, корешки, канёмся,
Влетая скопом в таран!
И с посвистом оторвёмся
Печать ему ставить на лбу!

Русские не будут мишенями, хотя в нас уже прицелились...

Игорь ДЬЯКОВ